

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 303.01

Риск, риск-рефлексия и проблема социально-политического порядка*

Д. А. Абгаджав

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Абгаджав Д. А.* Риск, риск-рефлексия и проблема социально-политического порядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 511–527. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.308>

В статье проблематизируются вопросы риска и риск-рефлексии в современных обществах, показана роль соотношения знаний и власти в формировании представлений о рисках и значение риск-рефлексии в управлении порядком. Современное общество рассматривается в качестве мира, складывающегося на основе рефлексий и решений. Риск-рефлексии в регулировании рисков как осмысление ситуации и определение выгод и издержек основываются на комплексе знаний, предлагаемых экспертами, профессионалами, авторитетами и в конечном итоге властью. Условия осуществления власти регулируются конфигурацией знаний или дискурсом, определяющим направленность информации и язык, которые подкрепляют и распространяют идеи, ориентирующие действия акторов. Дискурсы детерминируют осознание и понимание рисков, с которыми могут столкнуться акторы. В статье отмечается, что актуализация роли знания поднимает проблему монополизации права на определение того, что считать риском, каковы его объем и возможности воплощения. В связи с этим дискурс о риске для бенефициаров порядка составляет основу государственного управления, так как знания о рисках и их негативных эффектах становятся мотивом ответственного поведения, при котором индивиды иначе осмысливают, контролируют и направляют свое поведение. В работе делается вывод, что, вписывая риски в подконтрольный порядок, власть легитимирует их, выдавая за значимое то, что определяется как значимое, а сам риск рассматривается не как реальный объект, но как форма репрезентации реальности, придающая ей исчислимые формы и позволяющая оказывать управленческое воздействие. Регулирующая функция власти проявляется опосредованно, формируя и транслируя знания и представления, лежащие в основе рефлексии риска и выгод, предопределяющих самостоятельный выбор поведения индивидов. Цель власти —

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00115.

такая модификация поведения индивида, чтобы он, действуя самостоятельно, способствовал достижению целей, стоящих перед властью.

Ключевые слова: риск, риск-рефлексия, социально-политический порядок, правильность, знание, дискурс, манипуляция.

Проблематика риска и риск-рефлексии сегодня находится в топе актуальных тем научного дискурса. Многие исследователи обращаются к ней, пытаясь проанализировать современное общество и понять происходящие в нем процессы, отталкиваясь от концепта риска. В первом приближении этот интерес связан с интенсивностью и глобализацией угроз, с которыми сталкиваются сегодня отдельные общества и человечество в целом. Вместе с тем повышенное внимание к риску со стороны, например, власти может быть объяснено той ролью, которую играет риск сегодня в воспроизводстве социально-политических порядков.

Возможности управления риском напрямую зависят от знания, вернее, от знания причинно-следственных связей между деятельностью или событиями и их последствиями, порождающими угрозы и опасности. Считается, что при появлении проблем, несущих опасность, наличие подобных знаний делает эти опасности менее деструктивными и в принципе преодолимыми. Подобное понимание порождает определенную политику, социальную динамику и конфликты, которые и характеризуют общество риска. С этим тезисом нельзя не согласиться, однако существует и много других интересных аспектов проблемы. Например, как такого рода знания о риске влияют на социальные условия и, следовательно, порождают власть и порядок или каким образом индивид проблематизирует собственное поведение с целью наиболее эффективного управления им? В рамках данной статьи мы не ставим *hic et nunc* задачу полного рассмотрения всех аспектов проблем, связанных с феноменом риска, но хотим обратить внимание на ключевые, на наш взгляд, вопросы: как актуализируется способность управляемых к самоуправлению и какова роль риска и риск-рефлексии в этом процессе?

Прежде всего логика изложения требует внесения ясности в содержание понятий риска и риск-рефлексии, а затем — обращения к формированию политики в связи с управлением рисками. Начнем с того, что риск, будучи продуктом модернити, меняет объективный формат социальных процессов, который в досовременных обществах основывался на религиозно-метафизических образах мира, вселявших уверенность в постоянстве окружающей социальной и природной среды существования человека. Риск же релевантен обществу, осуществившему разрыв с этим «безмятежным порядком» и устремившему свой взор в будущее, где будущее есть неизведанная и полная опасностей территория, которую следует завоевать и колонизировать. Вместе с тем понятия «риск» и «опасность» не идентичны. Риск характеризуется активным анализом опасности в ракурсе будущих последствий. «Текущая современность» все больше вынуждает индивидов осознавать риски, возникающие перед ними. Иначе говоря, концепция риска актуальна лишь в обществе, которое активно пытается порвать с собственным прошлым, что и является главной характеристикой индустриальной цивилизации Нового и Новейшего времени [1, с. 39].

Многие исследователи отмечают, что риск предполагает опасность. Вместе с тем, утверждает У. Бек, риск не тождествен катастрофе. Он скорее есть некоторое

предвосхищение в настоящем катастрофы, с которой можно столкнуться когда-нибудь в будущем. Вследствие чего риск предстает перед нами вещью в достаточной степени сомнительной и смутной — он одновременно как бы существует и не существует, наличествует и не наличествует. Эта двусмысленность риска, по мнению исследователя, и порождает его настоящие основания, а именно политику страха и политику предупреждения опасности [2, с. 4]. Таким образом, амбивалентность риска, порождающая страх и чувство неопределенности, вынуждает людей быть осторожными и рефлексивными.

Рефлексивность — еще одно ключевое понятие, активно используемое сегодня в контексте изучения риска, к которому обращается не только У. Бек, но и другие известные исследователи (Э. Гидденс, З. Бауман и т. д.). Отталкиваясь от представлений о риске как о понятии, выражающем соотношение выгод и потерь в ситуации неопределенности и негарантированности результатов действий, можем сказать, что риск-рефлексия есть выбор стратегии, основанный на знании, т. е. на как можно более адекватном представлении о существующих связях между целью, условиями, в которых происходит действие (социальная ситуация), и средствами достижения цели. Если риск предполагает опасность, то риск-рефлексия — осмысление возможной угрозы как принцип достижения успеха. Предвосхищение угрозы, которой еще нет, вынуждает к выявлению факторов, угрожающих существованию акторов и нормальному функционированию социальных систем.

Риск порождает социальные отношения между теми, кто принимает решение и берет на себя ответственность (индивидуальную или коллективную) за выбор, который может вызвать последствия для других, и теми, кто не может себя защитить либо может, но со значительно большими издержками. Таким образом, риск-рефлексия есть вопрошание о «побочных эффектах», или конструктивных и деструктивных последствиях риска, как для принимающих решения, а значит, и берущих на себя ответственность за сделанный выбор, так и для тех, на ком непосредственно может сказаться этот выбор [3, с. 29]. Риск всегда предполагает, с одной стороны, актора, а с другой — решение определенной направленности. Можно сказать, что риск — результат определенным образом ориентированных решений или осознанный выбор между альтернативными направлениями действий. При этом следует иметь в виду, что решения, направленные на функциональные цели, могут привести и к неожиданным последствиям, которые при определенных обстоятельствах могут оказаться нефункциональными. Таким образом, решения, которые должны привести к положительным результатам, могут иметь негативные последствия, причем не только для той сферы, в которой принималось решение, но и для других областей (например, индустриализация и загрязнение окружающей среды, истощение невозобновляемых ресурсов, изменение климата и т. д.).

Общество сегодня, говоря словами автора концепции «рефлексивной современности» Э. Гидденса, — это социальный мир, складывающийся на основе рефлексий и решений, при принятии которых ключевая роль принадлежит не традициям или природным импульсам, но оценкам рисков, где информация и знания создают условия для рефлексии [4, с. 54–57]. Адекватный выбор, элиминирующий потенциальные деструктивные последствия, возможен только там и тогда, где и когда принимающий решение обладает достаточно полной информацией о существующем положении вещей, а также о ситуациях, к которым данный выбор может

привести. По этой причине особую актуальность приобретает необходимость выявления ситуаций, определяемых населением в качестве опасностей, угрожающих и подрывающих их онтологическую безопасность [4, с. 222–223].

Связь современных обществ с различными рисками очевидна, и риск-рефлексия выступает своего рода методологическим ответом или логикой борьбы с ними. Она призвана предвосхитить потенциальный ущерб человеку, обществу или природе. Поскольку вред воспринимается как негативный эффект, то анализ и осмысление рисков (с точки зрения обнаружения, предупреждения или элиминации факторов, приводящих к этим нежелательным последствиям) совершенно необходимы. Функция риск-рефлексии заключается в регулировании рисков путем их таксировки и разделения, осмысления их последствий, установления стандартов и повышения надежности и безопасности систем, в которых они могут проявиться. Таким образом, риск-рефлексия имеет решающее значение для определения выгод и издержек риска, это позволяет утверждать, что сегодня она является необходимым элементом функционирования современного общества.

Надо сказать, что в большей части жизненных ситуаций социокультурные и политико-правовые нормы, сформированные и навязанные обществом, позволяют индивидам преодолевать муки нерешительности, что оказывается возможным благодаря регулярности рекомендуемых форм поведения, а также применению или угрозе применения санкций со стороны общества. Таким образом, люди, как правило, знают, как следует поступать, и редко попадают в ситуации без «дорожной разметки» [5, с. 27]. Что же касается обстоятельств, когда индивиды должны принять решение самостоятельно, под свою ответственность, — здесь ключевую роль играет знание о рисках и их последствиях, предлагаемое экспертами и профессионалами в определенной области. Именно они обладают прерогативой компетентно говорить и решать проблемы, выносить суждение о том, что истинно или ложно, указывать нам на возможное и невозможное. По сути, экспертами являются те, кто получают факты непосредственно в процессе теоретического или практического освоения реальности, и, следовательно, их видение фактов и зависимостей между ними представляется наиболее адекватным и приближенным к реальности. Вместе с актуализацией роли и значения экспертного знания обнаруживается проблема монополизации права на определение того, что считать риском, каковы его объем и возможности воплощения. Присвоение знания и следующий за этим контроль над населением (или некоторой его частью) являются одним из важнейших аспектов того, что Гидденс называет «диалектикой контроля» [6, с. 131]. Собственно, данный ракурс, по нашему мнению, и позволяет говорить о том, что знание о риске получает политическое измерение.

Существуют ситуации, при которых решения в условиях неопределенности принимаются отдельными лицами и последствия этих решений сказываются исключительно на тех, кто принимает решения. Есть ситуации, в которых решения о рисках являются коллективными, агрегирующими индивидуальные и общие издержки и выгоды. Здесь активно используются методы и инструментарий измерения и сопоставления ущерба и выгод, коррелирующие с тем или иным вариантом принятого решения, что и позволяет ответственным лицам осуществлять выбор (не всегда, конечно, лучший) на основе более точной информации и навязывать эти решения всему обществу. Однако есть и другие ситуации, на которые мы хотим

обратить внимание в этой статье: когда экспертные знания формируют у людей такие предпочтения и ориентации, которые выгодны власти с точки зрения оптимизации управления, — достижение максимального эффекта при минимальных затратах. Таким образом, риск-рефлексия в условиях неопределенности и негарантированности результатов действий как выбор стратегии поведения основывается на комплексе знаний, предлагаемых экспертами, профессионалами, авторитетами в той или иной области и в конечном итоге — властью. Результатом данного процесса должен стать самостоятельный выбор, направляющий поведение индивидов.

Вместе со сказанным, однако, возникает ряд вопросов, требующих осмысления. В какой степени анализ ситуации и выбор модели поведения в рискогенных условиях в действительности осуществляются самостоятельно? Как актуализируется способность управляемых к самоуправлению? Какова роль риска и риск-рефлексии в этом процессе? Нет ли тут возможностей для манипуляции? Дальнейшие наши обсуждения предполагают обращение к размышлениям М. Фуко о влиянии знаний на людей и общество, к его представлениям о власти и управленчестве (правительности), которые сегодня активно используются в исследованиях проблематики риска и управления. Справедливости ради следует отметить, что философ мало говорил о риске и тем более не теоретизировал об обществе риска и в терминах общества риска, поскольку само понятие «общество риска», введенное, как известно, У. Бекком, обретает научную форму в конце 80-х годов прошлого столетия, уже после смерти Фуко. Вместе с тем ряд исследователей, пишущих о риске и современных обществах, обращают внимание на значение идей Фуко о власти и, в частности, управленчестве в понимании современных обществ.

Анализ истоков современных систем власти и контроля, осуществленный философом, приводит его к выводу, что сегодня власть уже не практикует прямое принуждение. Она действует через индивидуализацию, субъективацию, т.е. посредством интериоризации индивидом определенных способов понимания и практикования себя. Вместе с тем данный тезис не есть утверждение тотальности власти, которая проникает даже во внутренний мир человека. Скорее мыслитель обнаруживает новое пространство, в котором мы сталкиваемся с властью и проблематизируем ее [7, с. 159]. Переход от проблемы властных отношений к проблеме самоконституирования индивида приводит Фуко к необходимости ввести новое понятие: *gouvernementalite* — «управленчество», «правительность», или «правительственность». Семантика этого неологизма отсылает к понятию *government*, содержащему в себе значения управления, правления и правительства¹. Отталкиваясь от понимания власти как совокупности отношений или процедур, призванных «сооружать, поддерживать в исправности и совершенствовать механизмы власти» [8, с. 14], философ представляет управленчество (правительность) как своего рода отдельную перспективу анализа проблем власти и управления.

Под управленчеством Фуко понимает сложившийся в постфеодальный период подход к управлению общественными отношениями, описывая которые философ выделяет три аспекта. Во-первых, управленчество, правительность — это совокуп-

¹ Очевидно, что полиморфность понятия *gouvernementalite* создает сложности при переводе. В отечественной научной литературе многозначность данного термина выражается в различных переводах («правительственность», «управленчество», «правительность») или использовании кальки с французского — «гувернаментальность».

ность институтов, процедур, рефлексий, тактик, посредством которых реализуется весьма специфическая и чрезвычайно сложная разновидность власти, имеющая в качестве главной цели население, в качестве основной формы знания — политическую экономию, а в качестве ключевого инструмента — системы безопасности. Во-вторых, управленчество — это тенденция, направленная сила, непрерывно формирующая доминирование нового типа власти — «правления» (government) — над суверенитетом и дисциплиной, а также способствовавшая появлению специфических учреждений управления и корпуса особых знаний. Ну и в-третьих, правительственность есть следствие процесса трансформации средневековых «государств юстиции» в «государства административные» в XV–XVI вв., которые постепенно становятся государствами «управленческими», или «оправительственными» [8, с. 161–162].

В первом случае основным инструментом правителя выступает закон, устанавливающий запреты и систему санкций, а также регламентирующий применение пыток и смертной казни. Дисциплинарное государство прибегает к разнообразным технологиям нормализации и дисциплинирования: применяются наказания в соответствии со строгими правилами в целях модификации поведения нарушителя правил, разнообразные медицинские и психологические техники, направленные на изменение индивидов (тотальный надзор). Что касается управленческого государства, то здесь закон выступает лишь одной из технологий управления поведением, которые философ определяет как технологии безопасности (изучение вероятности наступления определенных событий, прогнозирование и планирование с целью минимизации угроз для населения). Управленческая власть монотонна, однообразна и пролонгирована во времени. Специфика ее в том, что она существует и действует благодаря распространению и комплексному воздействию знаний, законов, норм и всего того, что позволяет направлять и оптимизировать условия, в которых пребывает население, тем самым надзирая за ним, регулируя его в жизни и смерти, работе и праздности, движении и покое [9, с. 54–57].

Политическая власть взяла на себя задачу заведовать жизнью. Фуко пишет, что власть над жизнью уже с XVII в. развивается в двух основных формах или они скорее представляют собой два полюса развития, связанных друг с другом. Один из этих полюсов, что сформировался первым, продолжает философ, был центрирован вокруг тела, понимаемого как машина, и обеспечивался процедурами власти. Дрессура тела здесь — увеличение его способностей, выкачивание его сил, параллельный рост его полезности и покорности, его включение в эффективные и экономичные системы контроля. Второй полюс, сформировавшийся к середине XVIII в., центрирован вокруг тела-рода, вокруг тела, пронизанного механикой живого, и служит опорой для биологических процессов, к числу последних Фуко относит рождаемость, смертность, здоровье, продолжительности жизни и другие условия, от которых может зависеть варьирование этих процессов [10, с. 243]. Надзор над ними осуществляется при помощи серии вмешательств и регулирующих способов контроля, т. е. посредством того, что определяется философом как биополитика народонаселения. Дисциплины тела и способы регулирования населения — вот два полюса, вокруг которых разворачивается организация власти над жизнью.

Учреждение подобной технологии с двойным лицом, с одной стороны, анатомическим и биологическим, а с другой — индивидуализирующим и специфици-

цирующим, характеризует власть, целью которой является, быть может, говорит философ, не убивать, но инвестировать жизнь от края до края. Могущество смерти, символизировавшей некогда власть суверена, сегодня старательно скрыто управлением телами и расчетливым заведением жизнью. Развитие различных институтов (школ, колледжей, казарм, наблюдения за рождаемостью, общественным здоровьем, миграцией) или техник подчинения тел и контроля за населением знаменует эру «биовласти» [10, с. 244].

Одним из важнейших следствий рассуждений М. Фуко о власти является преодоление традиционной для многих социальных и политических наук оппозиции между властью и господством, с одной стороны, и индивидуальной свободой — с другой [11, р. 108]. Преодоление этого открытого дуализма в структуре государственного управления позволяет критически осмыслить проблематику новых форм либерального управления. Так, по мнению известного социолога и последователя идей управленчества М. Дина, смена парадигмы, предложенная Фуко, противостоит ложным предположениям о том, что «откат» государства означает, что государственная власть и влияние в обществе уменьшаются [11, р. 198]. Фукодианская критика системы «закон-суверен», преодолевая традиционную модель власти и управления, основанную на представлениях о том, что государственная власть реализуется напрямую посредством институтов, формулирует идею дисперсности власти, ее рассредоточения по всему обществу. Философ предлагает уйти от попыток фокусировки на некой центральной точке или каком-то одном очаге суверенности, из которого «расходились бы лучами производные и происходящие из него формы» [10, с. 192–193]. Для Фуко власть есть множественное соотношение сил, своего рода сложное упражнение партнеров, где один ведет другого, определяя его поведение, причем подводя его к такому состоянию, при котором ведомый может действовать в широком «поле возможностей» [12, р. 22].

Вездесущность власти и ее способность формировать действия, в отличие от предыдущих эпох, когда суверен возвышался над обществом, в контексте происходящего сегодня в обществе выглядят несколько ограниченными. Однако, с точки зрения Фуко, это ложное видение, поскольку способность власти организовывать, направлять, а следовательно, и контролировать действия акторов никуда не девается, но претерпевает существенные изменения. Условия осуществления власти определяются уже не только или не столько конкретными правителями или институтами, но тем, что воспринимается и считается возможным, уместным, целесообразным или, иными словами, предопределяется конфигурацией знаний. По Фуко, содержание этих конфигураций неразрывно связано с интересами доминирующих групп и обусловлено ими.

В терминологии Фуко, конфигурации знаний, направляющие действия акторов, суть дискурсы, посредством которых нам являются не только системы подчинения, но и мир в целом². Дискурсы, навязываемые доминирующими в обществе институтами, определяют направленность информации и соответствующий язык, которые питают и подкрепляют распространяемые идеи. Как пишет философ, язык есть то, что конституирует систему для всех возможных высказываний, всю совокупность правил, подчиняющих бесконечную множественность представле-

² Mutatis mutandis можно сказать, что фукодианские дискурсы суть не что иное, как идеологии.

ний [13, с. 29]. Par excellence работа речи во многом является определяющей в осознании и понимании рисков, с которыми могут столкнуться индивиды и общество. Вместе с тем дискурс — это не произвольное говорение и рассуждение о социальных феноменах (включая и риски), но система суждений, которая складывается в соответствии с определенными правилами и воспроизводится в контексте специфического социального универсума. Содержание и структура дискурсов не просто отражают представления социальных акторов о мире, но и создают символическую реальность со своими специальными законами и правилами поведения. Иными словами, это место конкурентной борьбы, ставкой в которой является монополия на научную компетенцию, понимаемую как признанную за определенным актором способность легитимно (т. е. полномерно и авторитетно) говорить [14, с. 43]. В этом плане можно утверждать, что дискурсы представляют собой своего рода форму управления, поскольку компетентно высказанное экспертом суждение³ оказывает воздействие на акторов, просчитывающих и согласовывающих с этим суждением свои действия.

Тут мы хотим сделать некоторое уточнение относительного того, что риск всегда обозначает возможные, а не фактические издержки, соответственно, последствия должны оцениваться с точки зрения вероятности их возникновения. Одновременно с этим нужно учитывать, что риски и выгоды воплощаются в реальность лишь по истечении некоторого времени после реализации выбранного варианта действия, что, в свою очередь, также накладывает дополнительный отпечаток неопределенности на последующее развитие событий. Поэтому, с нашей точки зрения, в действительности риск не существует как некий реальный объект. Скорее он есть форма репрезентации реальности, которая определенным образом упорядочивает и придает ей (реальности) исчислимые формы, позволяя eo ipso осуществлять управленческое воздействие на индивидов, группы и в целом на население.

Мы хотим особо подчеркнуть, что в риске важен не сам риск, но формы знания, обнаруживающие и делающие его мыслимым (статистика, социология, эпидемиология, менеджмент, бухгалтерское дело etc.), и технологии, позволяющие управлять им (оценка, кейс-менеджмент, социальное страхование и пр.) [15, с. 419–420]. Вместе с тем, как писал Ж.-Ф. Лиотар, существует реверсия знания и власти, указывающая на то, что они суть две стороны одного вопроса: кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать? В отличие от предыдущих эпох, в современном мире вопрос о знании более, чем когда-либо, становится вопросом об управлении [16, с. 28]. Знания дают возможность получать «хорошие» достижения по многим предметам дискурса, которые нужно познать, решить, оценить, изменить и т. д. [16, с. 52]. Формирование такого знания основано на критериях, устанавливающих то, что есть «хорошее» высказывание или «хорошее» достижение в денотативной или специальной области. Собственно установление этих критериев и есть то условие, которое позволяет отличать «знающих» от «незнающих». Порядок и процессы присвоения дискурса, право собственности на дискурс, воспринимаемое одновременно как право говорить, как компетентность в понимании, как узаконенный и непосредственный доступ к корпусу уже сформулированных высказываний и, нако-

³ Во всяком случае, в той мере, в какой дискурсы посредством развертывания знания репрезентуют тот или иной элемент социальной реальности.

нец, как способность облекать этот дискурс в решения, социальные институты или практики, закреплено за точно определенной группой индивидов [13, с. 52].

Научное высказывание, по Лиотару, подчиняется правилу — высказывание должно удовлетворять определенной совокупности условий, чтобы восприниматься как научное. Право устанавливать эту совокупность кондиций (условия внутреннего состояния и экспериментальной проверки), а значит, и трактовать научный дискурс — исключительная прерогатива власти, которая таким образом позволяет высказыванию стать частью этого дискурса, и оно может быть принято к вниманию научным сообществом [16, с. 27]. Эту же мысль мы находим у Фуко, считавшего, что описание власти в отрицательных терминах («исключает», «подавляет», «цензурует», «извлекает», «маскирует» и т. д.) скрывает ее истинную сущность. В современном обществе власть выступает в качестве силы, производящей знания, объекты познания, ритуалы истины, самих индивидов и их представления о себе. В целом и социальная реальность относится к ее продукции [17, с. 284]. Соотношение знания и власти учреждает социальное пространство, где индивиды располагаются в определенных местах, где движение контролируется, а события регистрируются [17, с. 288]. Знание, информация и образование выступают в качестве важнейших инструментов контроля и надзора над людьми и обществом. Таким образом, власть имманентна дискурсу вне зависимости от того, подчиняется он власти или настроен против нее. В конечном итоге власть обнаруживается в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия [18, с. 42–48]. Знания, моральные нормы и ценности представляют собой не что иное, как созданные властью конструкции влияния и манипуляции. Иначе говоря, индивидуальные или групповые интересы лежат в основе претензий отдельных лиц и групп для обеспечения поведенческих, моральных или когнитивных норм в отношении других. По сути, что рассматривать как риски, а что в качестве выгоды и в какой степени, зависит от определенных социальных сил. Контекст, внутри которого осуществляется выбор, с одной стороны, определяется самой формулировкой проблемы, а с другой — нормами, привычками и личными характеристиками тех, кто принимает решения [19, р. 61].

Реверсия власти и знания, на наш взгляд, является ключевой темой, поскольку сложность и динамичность социального пространства сегодня (включая, конечно, и глобальное) порождают риски управления, вызванные нехваткой видимости и контролируемости со стороны власти. Переход от классической к постклассической эпохе привел к трансформации социального пространства, усовершенствовавшей управление власти. Так, в «Надзирать и наказывать» М. Фуко писал, что диаграмма власти, реализующаяся в дисциплинарных институтах современности, создала Паноптикон — своего рода новое социальное пространство контроля, где при уменьшении числа представителей власти одновременно увеличивалось число подлежащих ее воздействию. Подобная организация пространства делала возможным вмешательство власти в любой момент, и ее постоянное давление действовало даже раньше, чем совершались проступки, ошибки или преступления. Сила власти в условиях Паноптикона заключалась в том, что она отправлялась самопроизвольно и бесшумно, образуя механизм, чьи действия вытекали одно из другого. Эргономичность паноптической схемы — в том, что она обеспечивала экономию (оборудования, персонала, времени) и эффективность (благодаря своему превен-

тивному характеру, непрерывному действию и автоматизму), усиливавшие любой аппарат власти [17, с. 301–302].

Изменения, коснувшиеся социального пространства, не могли не отразиться и на пространстве риска. Так, начиная с древнейших времен и до классической эпохи включительно мы наблюдаем отделение властного поля, которое условно может быть обозначено как территория своего порядка и стабильности, от территории риска (чужая земля, страна, места охоты, завоеваний и пр.), на которую эта власть не распространяется и которая, соответственно, воспринимается как враждебная порядку и стабильности. По сути, можно сказать, что государства классического времени, обладавшие монополией на власть, обеспечивали и контролировали порядок на определенной территории. В то же время война или конфликт рассматривались как зоны нестабильности, как территории риска. Постклассическая эпоха, или эпоха «радикального модерна» (Гидденс), отличается уже тем, что изменившаяся диаграмма власти, преодолевая эту дуальность пространств, порождает новые общества, в которых зоны порядка и риска совпадают, а не существуют, как ранее, порознь. Подобная трансформация обнаруживает факт вовлечения риска в сферу влияния власти. Этот интересный момент дает возможность увидеть, что устранение сфер и зон, не контролируемых властью (а зона риска, подчеркнем, изначально была именно такой), создает единое сквозное социальное пространство, властью контролируемое.

Пространство риска есть территория, описываемая в противоположных порядке и стабильности терминах, а власть открывает перспективу спокойствия и мира. Включение рискогенного пространства в социальный порядок означает не что иное, как распространение влияния власти и на эту сферу, а поскольку риск и нестабильность существуют только вне зоны власти (сиречь порядка), соответственно, выявление рискогенных факторов становится прерогативой власти. Таким образом, власть, вписывая риски в подконтрольный порядок, легитимирует их, выдавая за значимое то, что определяется как значимое. Так, научно обосновывая, людей подводят, например, к принятию ядерной энергетики, генетически модифицированных продуктов, промышленного сельского хозяйства, нанотехнологий etc. Аналогичным образом обстоит дело и с угрозой терроризма — обставляется все это таким образом, что вероятность этих угроз сильно преувеличивается, в результате ограничения личной свободы индивидов приобретают более легитимный характер. Таким образом, любые претензии научных или регулирующих органов на знания о риске связаны с интересами доминирующих групп и ориентированы на сохранение существующего социально-политического порядка. Манипуляция индивидуальными решениями в условиях опасности, порождающей страх, здесь основывается на идее коллективизации ответственности и требует солидарности против общей угрозы путем подчинения себя общему делу. Доверие к научным и регуливающим органам ведет к росту самоуспокоенности людей, поскольку им транслируют идею о том, что более компетентные инстанции принимают «правильные» решения от их имени и для их же пользы. В конечном итоге сформированный контекст приобретает легитимную силу правил поведения, которые по сути являются произвольными, но оформлены так, чтобы оправдывать коллективные действия или ограничения свободы личности [19, р. 61].

Управление риском осуществляется посредством сети разнообразных институтов и экспертов, собирающих и анализирующих информацию о нем, благода-

ря чему риск становится просчитываемым и управляемым, а некоторые группы даже признаются «группами риска». Установка на риск, порождающая особое отношение к будущему, требует мониторинга и попыток вычисления риска, а также предполагает необходимость контроля и минимизации потенциально негативных эффектов. Распространение риска на все общество порождает децентрализованные и диверсифицированные стратегии, воплощенные не только в государственных институтах, но и в других социальных сферах, например массмедиа, которые воспроизводят дискурс риска. Одновременно с мониторингом и измерением оценок рисков населению предлагаются способы их регулирования, а также предъявляются стимулирующие позитивные результаты самодисциплины. В ситуации, когда практики самодисциплины не срабатывают, включаются технологии изоляции и прямого принуждения. При этом система решительно заинтересована в формировании автономного и саморегулирующегося индивида, стремящегося к самоактуализации, поскольку такой индивид управляет собою сам и осуществляет власть над собой, будучи заинтересованным в самосовершенствовании, счастье и здоровье [20, р. 43].

Дальнейшие рассуждения возвращают нас к концепту управленчества (*gouvernementalite*), который неразрывно связан с понятием поведения и указывает на то, что управлять — не значит просто руководить или распоряжаться людьми и вещами. Значение управленчества — в обнаружении продуманной попытки направить поведение человека. С позиции управляющих человеческое поведение рассматривается как то, что можно контролировать, регулировать, формировать и в конечном итоге ориентировать в нужном направлении [21, р. 18]. Власть может быть заинтересована в регулировании совершенно разнообразных предметов, процессов и явлений (от экономики, промышленности, внутренних духовных процессов, выбросов CO₂ до регламентации дачных построек etc.), но лишь в той мере, в какой управление ими закладывает основу для формирования поведения индивида.

Фуко обращается к понятию «поведение» (*conduite*), поскольку оно лучше других улавливает все специфические отношения власти. Термин «поведение» одновременно указывает и на «ведение» других (в соответствии с более или менее строгими механизмами принуждения), и на способ вести себя в более или менее открытом поле возможностей. Таким образом, власть осуществляется в «сопровождении поведения» (*conduite des conduites*)⁴ и в приспособлении к вероятностям. Именно по этой причине, по мнению Фуко, власть относится не столько к порядку столкновения двух противников или к обязательствам одного по отношению к другому, сколько к порядку управления (*gouvernement*) [22, с. 181]. Собственно, этим и объясняется необходимость введения данного полиморфного понятия. Мы не будем здесь рассматривать все аспекты руководства поведением, но исходя из определенного нами ракурса проблемы обратимся к одному из них, а именно к вопросу о «ведении себя», или самоуправлению, где управляющий и управляемый совпадают (неважно, индивид это, группа, организация или общество). В этом аспекте понятие управленчества призвано показать то, каким образом индивид проблематизирует свое поведение с целью наиболее эффективного управления. Таким образом, под понятием управленчества, или правительности, подпадают не только ситуации,

⁴ *Conduite des conduites* (*фр.*), букв. «ведение поведений» — один из терминов, использованных Фуко в работе «Субъект и власть» (см.: [22]).

традиционно описываемые в терминах «власти над», но также и ситуации, когда мы сами управляем собой [21, р. 19].

Итак, правительность предполагает управление не только другим, но и собой — своим телом, личностью, характером, способностями. Как отмечает А. Л. Гуринская, при подобном взгляде на управление конечной целью власти оказывается такая модификация поведения индивида, когда он, отталкиваясь от собственных интересов, действует самостоятельно, одновременно способствуя достижению тех целей, которые стоят перед властью [9, с. 20]. Тот факт, что специфика управления как властного воздействия проявляется не только в прямом принуждении, отмечает и М. Дин. Эта специфика проявляется в «настройке» способностей индивида к самоуправлению, учитывающей потенциал индивида, и стремится к тому, чтобы этот потенциал был реализован наиболее оптимальным для власти способом. Подобная «настройка» предполагает использование разнообразных техник и тактик достижения целей, учреждение идентичности управляемых и управляющих, но в большей степени она включает в себя более или менее тонкое руководство поведением управляемых. Организацию практик, посредством которых осуществляется управление нами и мы управляем собой, социолог называет режимами практик, или режимами управления. Их важнейшими характеристиками являются производство истины и знания, многочисленные формы практической, технической и вычислительной рациональности [15, с. 94–95].

Итак, если целью дисциплинарной власти было регулирование и упорядочивание множества людей на определенной территории (например, в вузе, школе, фабрике, армии и т. д.), то телеологией биополитики является население — способности индивидов, живых людей как ресурсы, кои следует использовать и оптимизировать. Дисциплинарная, или дисциплинирующая, власть уравнивает индивидов, разделяет их, регистрирует и контролирует, прибегает к технике рационализации и экономии власти, с наименьшими затратами организующими систему наблюдения, иерархии, инспекций, документов, докладов и т. д., все то, что философ именует дисциплинарной технологией труда [23, с. 254]. Биовласть же действует на другом уровне, она направлена на все население, контролирует его и обеспечивает ему социальную безопасность [23, с. 256]. Фуко констатирует: биовласть — необходимый элемент в развитии капитализма. Становление и развитие последнего невозможно без «контролируемого включения тел в аппарат производства и через подгонку феноменов народонаселения к экономическим процессам» [10, с. 245].

Таким образом, управленчество, встраивая население в аппараты безопасности, гарантирует оптимальное и надлежащее протекание экономических, социальных и витальных процессов, характерных для данного населения, а значит, и системы здравоохранения, социальной защиты и образования [15, с. 95]. Такое встраивание осуществляется не в последнюю очередь благодаря дискурсу о риске, задаваемому властью, формирующему пространство знаний, мнений и убеждений, в которое и погружается население. Население управляет своим поведением на основе риск-рефлексии, призванной прояснить рискогенность социальной ситуации.

С нашей точки зрения, властное воздействие подобного рода здесь приобретает черты манипуляции, которая, по сути, и выражается в значащем поведении. Манипуляция имеет место быть в ситуации, когда у индивидов и групп формируется целый корпус восприятий, знаний и предпочтений, обеспечивающих при-

нятие социальными акторами своих ролей в существующем порядке. Иными словами, власть осуществляется не только в ситуации преодоления нежелания или сопротивления со стороны объекта действовать вразрез с собственными интересами, но и когда его желания формируются посредством систематического искажения информации и ограничения свободы выбора. Как пишет М. Дин, «технологии правительности запускают более сложную механику, которая рассчитана на длительные циклы и генерирует не только текущие поведенческие акты, но и новые субъективности, побуждающие к самостоятельному поведению и среди прочего ограничивающие безраздельность любого господства» [15, с. 18]. В результате объект начинает действовать в соответствии со «своими» субъективными (сформированными) желаниями, вопреки своим реальным (объективным) интересам, которых не осознает. Таким образом, манипуляция здесь — это способ воздействия на социального актора, вынуждающего его на такие действия и вызывающего у него такие побуждения, которые не соотносятся с его объективными интересами. Манипуляция в контексте риска неразрывно связана и вытекает из проблемы восприятия рисков или воспринимаемых угроз. Актуализируя и фокусируя внимание индивидов на их собственном ответственном поведении, власть являет себя, выступая в данном случае фактором социальной сегрегации и обеспечивая эффекты гегемонии [10, с. 245].

Сама специфика риска, строящаяся на предположении о несуществующих или потенциально возможных событиях, которые и служат основой для принятия решений, позволяет говорить о том, что управление рисками может носить спекулятивный характер. Функция науки здесь амбивалентна — с одной стороны, добывая знания, она предоставляет средства для анализа угроз, позволяющих оценить уровень этих угроз, а с другой стороны, благодаря роли знаний закладывается возможность для манипуляции индивидуальными принимаемыми решениями. Ровно также обстоит дело и с риск-рефлексией. Есть существенная разница между риск-рефлексией в условиях «ведения себя» и риск-рефлексией в ситуации «ведения других». В одном случае она может обрести высокий научный статус. В другом, когда мы говорим о населении в целом, речь уже не идет о философской или научной рефлексии, более того, мы склонны считать, что риск-рефлексия в данном контексте даже не синонимична вдумчивости. Можно пойти еще дальше — выбор модели поведения на ее основе не обязательно сугубо рационален (хотя он может выглядеть таковым) и вполне может основываться на символических, мифологических, поэтических способах размышления или даже на чувстве страха.

Управленчество — более или менее рассчитанная и рациональная деятельность, предпринимается множеством властей и агентов, использующих разнообразные инструменты и формы знания. Назначение управленчества — в формировании поведения индивидов при помощи работы с их желаниями, устремлениями, интересами и убеждениями ради определенных целей и с множеством относительно непредсказуемых последствий, эффектов и результатов [15, с. 73]. Правительность как практика управления собой невозможна без производства знаний и истины, без соответствующих концепций, объясняющих социальную реальность, последствия того или иного выбора. То, как мы управляем собой и ведем себя, во многом определяется производством истины. Так, М. Дин отмечает, что «государственное управление в современных обществах немислимо без некоторой концепции эко-

номики, понимается ли она как национальная или глобальная, а попытка управлять экономикой ведет к производству знания о занятости, инфляции, торговле и т. д.» [15, с. 91]. По нашему мнению, дискурс о риске для бенефициаров социально-политического порядка составляет «объективную» основу для государственного управления, поскольку та или иная социальная ситуация оказывается непосредственным эффектом определенного действия. Таким образом, знание о риске, причинно-следственных связях, способных породить негативные последствия для акторов, обретает качество внутреннего мотива, принуждающего индивидов к ответственному поведению, т. е. такому, при котором индивид, осознавая, что определенные его действия могут привести к нежелательному состоянию, начинает иначе осмысливать свое поведение, контролировать и направлять его.

Все наши рассуждения о власти, существующем социально-политическом порядке, справедливости, законности etc. опираются на экспертизы, словари, теории, идеологии, философии и другие формы знания. Например, выбор нужной модели поведения в условиях экономического кризиса осуществляется на основе знаний, поставляемых экономистами, успешными предпринимателями, банкирами, чиновниками, статистиками и пр. Или не менее актуальный пример: поведение в условиях пандемии. Каким образом я решаюсь на самоизоляцию как добровольное «ведение себя», а не жесткое предписание законом соответствующего поведения? Ответ в общем очевиден: дискурс риска в условиях пандемии формирует представление о правильном поведении, ибо в противном случае в зоне уязвимости могут оказаться мои родные и близкие, а также все население. Формирование моего восприятия риска, а значит, и моя рефлексия по поводу этих рисков и негативных эффектов складываются на основе тех знаний и экспертных оценок, которые предоставляются специалистами-вирусологами, эпидемиологами, врачами, а возможно, и религиозными или духовными авторитетами, воздействующими на определенные стороны моего существования с одной благой целью — сохранить мое здоровье, а значит, и здоровье нации.

Введение механизмов безопасности в сферу рискогенного, случайного, неподконтрольного власти есть способ управления проблематичным населением. Регулирующая функция власти здесь проявляется опосредованно, через формирование и распространение целого комплекса знаний и представлений, предлагаемых специалистами, и последующую рефлексия риска и выгод, которые и подталкивают индивидов к самостоятельному (свободному) выбору поведения. Вместе с тем экспертные оценки и мнения, которые мы принимаем в расчет при определении альтернатив, подводят нас к тому, что на самом деле и альтернатив, и простора для маневра практически нет. Например, что мы выберем в условиях охватившей планету пандемии — выйти на работу, общаться с друзьями, соседями, коллегами и подвергнуть свою семью смертельной опасности либо сидеть дома в изоляции? Ответ, конечно, очевиден. Или, скажем, конкуренция между общественными (государственными) школами, частным медицинским страхованием и схемами пенсий по старости, участием населения в охране порядка и схемами «присмотра за соседями» и т. д. — примеры практик свободы, в рамках которых индивиды, группы, домохозяйства и пр., выступая в роли потребителей, клиентов и пользователей услуг, берут на себя ответственность за минимизацию риска в результате осуществления того или иного выбора [15, с. 398–400].

В завершение хотим отметить, что только напуганное общество легитимирует вмешательство в жизнь любого человека. Тенденция ужесточения институциональных санкций сегодня актуальна как никогда. У. Бек писал, что в начале XXI в. освобожденные от государственной опеки и раскрепощенные силы человеческого эгоизма, «безудержный индивидуализм» и иллюзорность экзистенциальной безопасности могут привести к ужесточению социально-политического контроля над индивидом и утверждению нового постиндустриального тоталитаризма, основанного на власти информационных элит [24]. Собственно, правительственность в аспекте управления собой, контроля за своим поведением и есть механизм, регулирующий проблемное население. В конечном итоге главная задача власти заключается не в детальном рассмотрении индивидов и их дрессуре, но в регулировании.

Литература

1. Гидденс, Э. (2004), *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*, М.: Весь Мир.
2. Бек, У. (2009), Критическая теория мирового общества риска. Космополитический взгляд на проблему, *Прогнозис*, № 2 (18), с. 3–32.
3. Абгаджав, Д. А. и Пинкевич, А. Г. (2019), Риск и рефлексия в современном обществе, *Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI Международной научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.)*, ред. Рябова, Т. И., Брянск: БГИТУ, с. 26–30.
4. Гидденс, Э. (2011), *Последствия современности*, пер. с англ. Ольховиков, Г. К. и Кибальчич, Д. А., вступ. ст. Дмитриев, Т. А., М.: Праксис.
5. Бауман, З. (2008), *Текущая современность*, пер. с англ. под ред. Асочакова, Ю. В., СПб.: Питер.
6. Гидденс Э. (1994), Судьба, риск, безопасность, *THESIS*, вып. 5, с. 107–134.
7. Фуко, М. (2008), Дискурс и истина, *Логос*, № 2, с. 159–262.
8. Фуко, М. (2011), *Безопасность, территория, население, Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*, пер. с фр. Быстров, В. Ю., Суслов, Н. В. и Шестаков, А. В., СПб.: Наука.
9. Гурина, А. Л. (2014), Неолиберальная уголовная политика: безопасность, приватизация и роль государства, *Теории и проблемы политических исследований*, № 1–2, с. 13–39.
10. Фуко, М. (1996), *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*, пер. с фр., М.: Касталь.
11. Dean, M. (2007), *Governing societies: political perspectives on domestic and international rule*, Maidenhead: Open University Press.
12. Brown, P. (2013), Social Theories of Risk, *The Routledge Handbook of Social and Cultural Theory*, London: Routledge, pp. 157–174. URL: https://www.academia.edu/24510792/Social_Theories_of_Risk (дата обращения: 06.05.2020).
13. Фуко, М. (2004), *Археология знания*, пер. с фр. Раков, М. Б. и Серебрянникова, А. Ю.; вступ. ст. Колесников, А. С., СПб.: Гуманитарная Академия, Университетская книга.
14. Маркова, Ю. В. (2007), Социальная реальность социологического дискурса, *Социс*, № 1, с. 42–47.
15. Дин, М. (2016), *Правительственность: власть и правление в современных обществах*, пер. с англ. Писарев, А. А.; науч. ред. Гавриленко, С. М., М.: Дело РАНХиГС.
16. Лиотар, Ж.-Ф. (1998), *Состояние постмодерна*, пер. с фр. Шматко, Н. А., М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя (сер. Gallicinium).
17. Фуко, М. (1999), *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*, пер. с фр. Наумов, В., М.: Ad Marginem.
18. Пилюгина, Е. В. (2013), Дискурс в политике и политика как дискурс: актуальные резонансы социального бытия постмодерна, *Вестник Челябинского государственного университета*, № 23 (314). *Политические науки. Востоковедение*, вып. 14, с. 42–48.
19. Renn, O. (2008), Concepts of Risk: An Interdisciplinary Review. Part 1: Disciplinary Risk Concepts, *GAIA*, vol. 17, no. 1, pp. 50–66. URL: http://www.academia.edu/35445168/Concepts_of_Risk_An_Interdisciplinary_Review_-_Part_2_Integrative_Approaches?email_work_card=view-paper (дата обращения: 10.01.2020).
20. Фидря, Е. С. (2017), Институционализация понятия и регулирование риска в советском нормативном поле, *Журнал социологии и социальной антропологии*, № 20 (2), с. 40–61.

21. Dean, M. (2010), *Governmentality. Power and rule in modern society*, 2nd ed., Padstow, Cornwall: Sage.
22. Фуко, М. (2006), *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*, пер. с фр. Скуратов, Б. М., общ. ред. Большаков, В. П., ч. 3, М.: Практис.
23. Фуко, М. (2005), *Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*, СПб.: Наука.
24. Бек, У. (2001), *Молчание слов и политическая динамика в глобальном обществе риска. Выступление в Государственной Думе Российской Федерации 28 ноября*. URL: <http://www.laws-portal.ru/lib/silent-words-political.htm> (дата обращения: 25.05.2020).

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2019 г.;
рекомендована в печать 2 июля 2020 г.

Контактная информация:

Абгаджав Даур Арнольдович — канд. соц. наук, доц.; d.abgadzghava@spbu.ru

Risk, risk-reflection and the problem of the socio-political order*

D. A. Abgadzghava

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Abgadzghava D. A. Risk, risk-reflection and the problem of the socio-political order. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 3, pp. 511–527. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.308>

The article discusses the issues of risk and risk-reflection in modern societies. It also illustrates the role of the relationship of knowledge and power in the formation of ideas about risks and the importance of risk reflection in maintaining order. A modern society is viewed as a world formed on the basis of reflections and decisions. Risk reflections in risk management, understanding a situation and determining costs and benefits, are based on comprehensive knowledge provided by experts, professionals, authorities and, finally, the authorities. The configuration for exercising power is regulated by the configuration of knowledge or discourse, which controls the direction of information and the language that support and disseminate ideas that orient actors' actions. Discourse determines awareness and an understanding of the risks that actors may face. The article notes that the problems are based on monopolization of the right to determine what is considered a risk as well as what is its scope and possibilities of implementation. In this regard, the discourse on risk for beneficiaries is the basis for public administration, as knowledge of risks and their negative consequences becomes a motive for responsible behavior, in which individuals otherwise interpret, control, and direct their behavior. The article concludes that by considering risks in a controlled order, the authorities legitimize them. Risks are viewed as a representation of reality and this allows for the ability to manage the risk's impact. The regulatory function of power manifests itself indirectly, forming and transmitting knowledge and ideas. The purpose of power is a modification of behavior when an individual, acting independently, contributes to the achievement of the goals facing the power.

Keywords: risk, risk-reflection, socio-political order, governmentality, knowledge, discourse, manipulation.

References

1. Giddens, A. (2004), *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*, Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russian)
2. Beck, U. (2009), Critical Theory of the World Risk Society. Cosmopolitan view of the problem, *Prognosis*, no. 2 (18), pp. 3–32. (In Russian)

* The research was supported by the Russian Science Foundation, Project no. 19-18-00115.

3. Abgadzhave, D. A. and Pinkevich, A. G. (2019), Risk and reflection in modern society, in *Problemy i tendentsii razvitiia sotsiokul'turnogo prostranstva Rossii: istoriia i sovremennost': materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Briansk, 17–18 maia 2019 g.)*, Briansk: BGITU Publ., pp. 26–30. (In Russian)
4. Giddens, A. (2011), *Consequences of the present*, transl. from Eng. by Ol'khovikov, G. K. and Kibal'chich, D. A., foreword by Dmitriev, T. A., Moscow: Praxis Publ. (In Russian)
5. Bauman, Z. (2008), *Flowing Modernity*, transl. from Eng., ed. by Asochakov, Iu. V., St. Petersburg: Piter Publ. (In Russian)
6. Giddens, A. (1994), Fate, Risk, Security, *Thesis*, no. 5, pp. 107–134. (In Russian)
7. Foucault, M. (2008), Discourse and Truth, *Logos*, vol. 2, pp. 159–262. (In Russian)
8. Foucault, M. (2011), *Security, territory, population. The course of lectures delivered at the College de France in the 1977–1978 academic year*, transl. from French by Bystrov, V. Iu., Suslov, N. V. and Shestakov, A. V., St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
9. Gurinskaya, A. L. (2014), Neoliberal criminal policy: security, privatization and the role of the state, *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniï*, no. 1–2, pp. 13–39. (In Russian)
10. Foucault, M. (1996), *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years*, Moscow: Kastal' Publ. (In Russian)
11. Dean, M. (2007), *Governing societies: political perspectives on domestic and international rule*, Maidenhead: Open University Press.
12. Brown, P. (2013), Social Theories of Risk, in *The Routledge Handbook of Social and Cultural Theory*, London: Routledge, pp. 157–174. Available at: https://www.academia.edu/24510792/Social_Theories_of_Risk (accessed: 06.05.2020).
13. Foucault, M. (2009), *Archeology of knowledge*, transl. from French by Rakov, M. B. and Serebriannikova, A. Iu., foreword by Kolesnikov, A. S., St. Petersburg: Gumanitarnaia Akademiia Publ., Universitetskaia kniga. (In Russian)
14. Markova, Yu. V. (2007), The social reality of sociological discourse, *Sotsis*, no. 1, pp. 42–47. (In Russian)
15. Dean, M. (2016), *Governance: power and government in modern societies*, transl. from Eng. by Pisarev, A. A.; ed. by Gavrilenko, S. M., Moscow: Delo RANKhiGS Publ. (In Russian)
16. Lyotard, J.-F. (1998), *The state of postmodern*, transl. from French by Shmatko, N. A., St. Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian)
17. Foucault, M. (1999), *To oversee and punish. Birth of a prison*, transl. from French by Naumov, V., Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)
18. Pilyugina, E. V. (2013), Discourse in politics and politics as a discourse: actual resonances of post-modern social life, *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 23 (314), *Politicheskie nauki. Vostokovedenie*, iss. 14, pp. 42–48. (In Russian)
19. Renn, O. (2008), Concepts of Risk: An Interdisciplinary Review, pt. 1: Disciplinary Risk Concepts, *GAI*, vol. 17, no. (1), pp. 50–66. Available at: http://www.academia.edu/35445168/Concepts_of_Risk_An_Interdisciplinary_Review_-_Part_2_Integrative_Approaches?email_work_card=view-paper (accessed: 10.01.2020).
20. Fidrya, E. S. (2017), Institutionalization of the concept and risk management in the Soviet regulatory field, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, no. 2, pp. 40–61. (In Russian)
21. Dean, M. (2010), *Governmentality. Power and rule in modern society*, 2nd ed., Padstow, Cornwall: Sage Publ.
22. Foucault, M. (2006), *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews*, transl. from French by Skuratov, B. M., ed. by Bol'shakov, V. P., Moscow: Praxis Publ. (In Russian)
23. Foucault, M. (2005), *It is necessary to protect society: A course of lectures delivered at the College de France in the 1975–1976 academic year*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
24. Beck, U. (2001), *Silence of words and political dynamics in the global risk society. Speech in the State Duma of the Russian Federation on November 28*. Available at: <http://www.laws-portal.ru/lib/silent-words-political.htm> (accessed: 25.05.2020). (In Russian)

Received: November 5, 2019

Accepted: July 2, 2020

Author's information:

Daur A. Abgadzhave — PhD in Sociology, Associated Professor; d.abgadzhave@spbu.ru